

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО ¹⁾.

Тому, кто сколько нибудь присмотрится къ отношеніямъ между отдѣльною личностію и цѣлымъ обществомъ, представится странное зрѣлище: личность какъ будто всѣми силами стремится освободиться отъ общественнаго гнета, и въ свою очередь общество тоже всячески старается поработить личность, посягая не только на ея матеріальную собственность, но и на всѣ индивидуальныя особенности ея духа, стремясь обрѣзать, уравнивать, обезличить, чтобы не было ничего выдающагося, нарушающаго стройное теченіе жизни. Индивидуализмъ съ одной стороны, и коммунизмъ съ другой, то въ явной, то въ скрытой борьбѣ между собою выдѣляются какъ наиболѣе замѣтныя явленія на всемъ протяженіи исторической жизни человѣческихъ обществъ. Наблюдаемое нами явленіе мы назвали *страннымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли,—отдѣльная личность возстаетъ противъ того самого общества, которому она обязана, можно сказать, всѣмъ своимъ существованіемъ; а съ другой стороны, общество, получая всѣ свои жизненные соки отъ отдѣльныхъ личностей, питаясь только тѣмъ, что можетъ дать ему каждый индивидуумъ, въ силу какого-то невѣроятнаго противорѣчія, стремится уничтожить особенности каждой личности, или, по крайней мѣрѣ, обуздать и ограничить ихъ, и такимъ образомъ сознательно, цѣлымъ рядомъ нарочито для того придуманныхъ и съ теченіемъ времени дѣлающихся все болѣе и болѣе усовершенствованными, средствъ лишаетъ

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, состоявшееся 15 Марта сего года въ залѣ Синодальнаго училища, въ Москвѣ на Никитской.

себя источника живой воды.—Что это за несчастная взаимная вражда? Что за взаимное непонимание, ведущее къ странному взаимному самоистребленію?

Но не будемъ забѣгать впередъ,—уединимъ каждое изъ этихъ двухъ явленій, опредѣлимъ характерныя ихъ особенности, чтобы затѣмъ пролить свѣтъ на указанную нами непонятную драму, и постараемся найти возможный способъ къ примиренію враждующихъ сторонъ.

I.

Два явленія, которыя занимаютъ насъ въ настоящую минуту и которыя ведутъ между собою непрерывную борьбу съ незапамятныхъ временъ, съ теченіемъ времени подверглись научной разработкѣ, результатомъ которой было образованіе двухъ доктринъ, уже давно знакомыхъ общественной жизни на западѣ, но съ нѣкотораго времени, именно съ 50-хъ годовъ, заинтересовавшихъ собою и нашу печать, и извѣстныхъ подъ именемъ *индивидуализма* и *коммунизма* (или *соціализма*). Та и другая доктрина стремятся установить норму отношеній человѣка какъ къ самому себѣ, такъ и къ обществу; но исходную точку, центръ тяжести и конечную цѣль своихъ стремленій полагаютъ не только не въ одинаковыхъ, но въ совершенно противоположныхъ началахъ, хотя иногда въ концѣ концовъ и приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ направленій,—индивидуализму,—мы должны прежде всего упомянуть, что существуетъ двойкій индивидуализмъ: 1) научный теоретическій и 2) практическій.

Въ основѣ перваго лежитъ понятіе о развитіи и обособленіи отдѣльныхъ единичныхъ образованій изъ первоначальнаго хаоса, слитности и безразличія. Этого рода индивидуализмъ имѣетъ за собою почтенную давность. Само, напр., библейское сказаніе о твореніи міра напоминаетъ въ извѣстномъ смыслѣ теорію индивидуализма, такъ какъ и оно сообщаетъ намъ о творческихъ актахъ, постепенно выдѣляющихъ тѣ или иныя міровыя явленія изъ ихъ первоначальнаго хаоса. Но представителями собственно научнаго-теоретическаго индивидуализма являются Кантъ и Лейб-

ницъ, и особенно послѣдній съ извѣстной его монадологіей, по которой міръ состоитъ изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ сущностей, изъ которыхъ каждая развивается независимымъ путемъ, на основаніи законовъ ея собственной природы.

Но въ настоящій разъ насъ занимаетъ не научный и теоретическій, а практический индивидуализмъ, который особенно сталъ проявляться съ конца 18 столѣтія, именно со временъ французской революціи, выставившей на своемъ знамени защиту человѣческихъ правъ, и который продолжалъ развиваться во весь XIX вѣкъ, особенно какъ противовѣсъ другому философско-практическому направленію нашихъ дней, извѣстному подъ именемъ коммунизма, перешедшаго затѣмъ въ социализмъ. Расширяясь и распространяясь все болѣе и болѣе въ теченіи минувшаго столѣтія доктрина индивидуализма захватила и наше отечество, гдѣ также явились ея горячіе послѣдователи, возведшіе индивидуализмъ въ послѣднее слово науки ¹⁾.

Въ основѣ теоріи индивидуализма лежитъ неоспоримое понятіе о правѣ каждой отдѣльной личности охранять тѣ особенности своей матеріальной и духовной природы, какими обладаетъ каждая изъ нихъ, защищая ихъ отъ всего, что такъ или иначе стоитъ на пути ихъ свободнаго развитія. Неоспоримость этого права вытекаетъ изъ того простаго соображенія, что человѣкъ, какъ нравственная личность, получаетъ свое бытіе и вступаетъ въ міръ съ извѣстнаго рода обязательствами выполнить задачу, предназначенную ему свыше. Если же каждой личности назначена своя особенная задача, то сообразно съ этимъ она должна обладать и особенными на то средствами и способностями, которыхъ она не можетъ взять у другого, вслѣдствіе чего и никто другой не можетъ выполнить назначенной ей роли. Поэтому, чтобы достигнуть своей цѣли, каждый долженъ строго опредѣлить и уяснить себѣ тѣ средства, которыми онъ обладаетъ для выполненія своей задачи, т. е. выяснить предъ самимъ

¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ появилась, напр., въ 1859 году въ Журналѣ Землевладѣльцевъ статья Дубенскаго, противъ которой въ томъ же журналѣ написалъ полемическую статью извѣстный нашъ публицистъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

собою силы и способности, ихъ размѣръ, свойство и качество. А уяснивши и опредѣливши это, онъ долженъ всячески охранять и оберегать это свое внутреннее достояніе, потому что иначе онъ никакъ не можетъ выполнить своего назначенія. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что всякая отдѣльная личность обладаетъ инстинктивнымъ стремленіемъ всячески оберегать тѣ особенности своего духа, потерявши которыя, она перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей природѣ. Потерять индивидуальныя особенности своего духа: значитъ обезличить себя, перестать быть нравственно разумнымъ существомъ и сдѣлаться простою вещію, или, по крайней мѣрѣ, дозволить себѣ ограничиваться ролью неразумныхъ тварей. Поэтому стремленіе всячески охранять личныя особенности своего духа,—на сколько, конечно, это ведетъ къ выполнению общаго и обязательнаго всѣмъ людямъ нравственнаго идеала,—и не только охранять, но и употреблять все усилія для возможно широкаго ихъ развитія,—это составляетъ законное право и даже обязанность всякаго разумнаго существа. Это именно тѣ таланты, которые каждый изъ насъ получаетъ вмѣстѣ съ своимъ бытіемъ и которые, по смыслу извѣстной притчи Христа, не должно зарывать въ землю, но посредствомъ правильнаго, искуснаго оборота, всякій обязанъ удвоить и утроить, чтобы получить лестный для себя отзывъ: *хорошо добрый и вѣрный рабъ, надъ малымъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебя поставлю: войди въ радость Господа твоего* (Мѣ. 25, 23).

Съ этой точки зрѣнія индивидуализмъ не только не есть явленіе незаконное, но напротивъ есть нѣчто весьма желательное, составляющее истинное достоинство, прелесть и красу человѣчества, его жизнь и необходимое условіе его прогрессивнаго развитія. Безъ этой характерной черты человечество обратилось бы въ безжизненный трупъ, неспособный возбудить въ душѣ наблюдателя чувствъ радости и восторга, какія обыкновенно возникаютъ при чарующемъ разнообразіи свѣтлыхъ, блестящихъ красокъ.

Итакъ въ извѣстныхъ границахъ охраненіе своей личности и ея особенностей, которыя отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ подобныхъ же ей особей, заботливость о дальнѣйшемъ и, елико возможно, наиболѣе широкомъ развитіи ихъ—со-

ставляетъ не только право, но и обязанность каждого изъ насъ. Это внушается намъ и общимъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Сынъ Божій сходилъ на землю для спасенія не какого нибудь отвлеченнаго человѣка, не какой либо коллективной души, въ которой, какъ въ какой-то гностической плиромѣ, всѣ отдѣльныя существа исчезали и утрачивали бы всякую самостоятельность, сливаясь безъ остатка съ общимъ для всѣхъ содержаніемъ, но для спасенія *каждой* души человѣческой. Христіанство внушаетъ также вѣру и въ грядущій общій судъ, гдѣ *каждому* воздастся по дѣламъ его, каковая вѣра основывается на отвѣтственности каждого за дѣла *свои*; а эта отвѣтственность въ свою очередь утверждается на томъ, что дѣла и поступки извѣстной личности не являются произведеніемъ чей либо чужой воли, но составляютъ ея неотъемлемую собственность. Иначе, за что бы было и судить ее? Даже наши человѣческіе суды склонны бываютъ оправдывать преступника, когда становится ясно доказаннымъ, что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ не по своей волѣ. Тѣмъ болѣе судъ Божій,—такъ, по крайней мѣрѣ, нужно вѣрить,—не поставитъ въ счетъ дѣятельность человѣка, обезличившагося и сдѣлавшагося слѣпымъ орудіемъ чужой воли. Подлежать онъ будетъ отвѣтственности развѣ только за то, что онъ дозволилъ себѣ дойти до такого обезличенія и непродуманно растерять тѣ дары, которые ему были даны въ видѣ его способностей, силъ и особенныхъ свойствъ его души.

Но то направленіе, разобрать которое мы въ настоящій разъ поставили своей задачей, не довольствуется указанными сейчасъ положеніями. Анализируя понятіе *личности*, индивидуализмъ находитъ, что въ основѣ ея лежитъ свобода и стремленіе быть отдѣльною, независимою, самостоятельною сущностію. И въ этомъ положеніи нельзя пока видѣть чего либо незаконнаго: „Свобода (независимость отъ чьего либо неустраимаго произвола), говоритъ Кантъ, насколько она совместима съ свободой каждого другаго по общему закону, есть единственное, первичное право, слѣдующее каждому человѣку въ силу его человѣчности“ (у Гегдинга см. „Этику“ въ переводѣ подъ редакц. Оболенскаго, стр. 198). Что человѣкъ есть свободно-разумное существо, что въ силу этого онъ стремится быть независимою, самостоятельною лично-

стію и быть свободнымъ отъ всѣхъ видовъ рабства, — все это несомнѣнно можетъ говорить только за высоту его человѣческаго достоинства, которое онъ старается отстоять и оградить отъ всего, что такъ или иначе можетъ набросить на него невыгодную тѣнь рабства. Потому что даже и низшая сравнительно съ человѣкомъ тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ: ибо, какъ говоритъ апостолъ, *тварь покорилась суетѣ недобровольно, но поволѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства неплѣннѣ въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19—21).

Но индивидуализмъ, расширяя человѣческую свободу до крайнихъ предѣловъ, сообщаетъ и законному стремленію каждаго отдѣльнаго человѣка—быть независимой, самостоятельной личностію—безусловное, далеко выходящее за законные предѣлы значеніе. Свобода въ понимаемомъ имъ смыслѣ не подчинена никакому закону причинности, и потому не образуетъ собою звена въ цѣпи причинъ,—она есть причина безъ причины. Свободно *хотѣть* значитъ *хотѣть* безъ причины, т. е. независимо отъ какихъ бы то ни было предыдущихъ условій.

Понимая въ этомъ смыслѣ свободу, индивидуализмъ вооружается противъ всего, что такъ или иначе стѣсняетъ свободу человѣка и является непримиримымъ врагомъ не только всякаго рабства, но и всякаго подчиненія, какими бы законными побужденіями ни оправдывалось это послѣднее. На этомъ основаніи онъ отрицаетъ значеніе всякой традиціи, такъ какъ она задерживаетъ свободное развитіе личности. Онъ идетъ противъ всякихъ церковныхъ, государственныхъ, общественныхъ, народныхъ учрежденій, которыя съ разныхъ сторонъ опутываютъ свободу человѣка, стѣсняютъ его дѣятельность, не позволяя ей раскрыться во всемъ блескѣ ея своеобразной красоты.—Онъ требуетъ отъ государства и общества полнѣйшаго невмѣшательства въ кругъ жизни и дѣятельности отдѣльной личности, которая должна быть ограждена отъ всякаго посягательства на ея свободу и неприкосновенность. „Общество должно помнить, что оно, какъ цѣлое, составляется не чрезъ уничтоженіе частей, не чрезъ исключеніе частнаго; напротивъ *личность* есть основаніе семьи, націи, отдѣльныя націи составляютъ основаніе всего

человѣчества. Уничтожьте поэтому личность,—и вы уничтожите весь міръ“. Въ отношеніи личности нужно, слѣдоват., оставить неразумныя рѣчи о *самопожертвованіи* въ разныхъ его видахъ. „Нравственныя правила, въ родѣ, напр., того, что „для блага общаго нужно *жертвовать* личными интересами“, или: что „въ обществѣ каждый долженъ думать обо всѣхъ и всѣ объ одномъ“,—всѣ подобныя нравственныя предписанія не только не разумны уже сами по себѣ, но кромѣ того ведутъ еще только къ своего рода нравственному коммунизму, который стоитъ коммунизма экономическаго. И съ другой стороны, государство, коль скоро приняло необходимыя мѣры, для огражденія свободы и собственности каждаго противъ насилій и захватовъ, — оно уже исполнило *всю* свою обязанность и исчерпало все свое право. Всякое дальнѣйшее вмѣшательство будетъ въ свою очередь насиліемъ и посягательствомъ со стороны государства на человѣческую личность.

Отъ государственной и общественной опеки въ особенности должны быть свободны личности, которыхъ природа наградила преимущественными дарами и которыя вслѣдствіе этого являются свѣточами для всего человѣчества, указуя ему истинный путь прогресса. Это-счастливые избранники судьбы, къ которымъ нельзя прилагать обыкновенную мѣру и которые поэтому должны быть въ особенности свободны въ своей дѣятельности отъ всякаго рода общественныхъ условій и нравственныхъ обязательствъ, опутывающихъ дѣятельность обыкновенныхъ смертныхъ. Подобныя личности все дѣлаютъ хорошо, коль скоро они вѣрны самимъ себѣ. Для геніальнаго полководца, государственнаго человѣка, поэта, артиста и т. п. позволительны такія слабости, какъ: невѣрность супружеской жизни, неуплата долговъ, опущеніе по службѣ. Было бы не естественно, даже смѣшно судить о нихъ какъ объ обыкновенныхъ людяхъ. Это—„сверхчеловѣки“, которыхъ, какъ своихъ пророковъ и провозвѣстниковъ грядущихъ идей и событій, общество должно особенно оберегать отъ всего, что такъ или иначе стѣсняетъ свободу ихъ духа. До такихъ именно абсурдовъ и договаривались нѣкоторыя гностическія секты первыхъ вѣковъ христіанства, а нынѣ договорилось современное намъ „нитчеанство“.

Предоставленіе безусловной свободы каждому въ жизни и

дѣятельности, фантазируютъ приверженцы индивидуализма, вызоветь борьбу за индивидуальное развитіе; а это и будетъ первымъ и главнымъ условіемъ всякаго прогресса. Только одно свободное упражненіе личныхъ способностей можетъ дать первоначальный толчекъ къ развитію. И чѣмъ болѣе посредствомъ этой борьбы будетъ вызываться энергія личныхъ способностей каждаго, тѣмъ болѣе они будутъ укрѣпляться и раскрываться въ плодотворной дѣятельности, тѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ общественный прогрессъ. „Хлопочи каждый о себѣ“, такъ между прочимъ характеризуетъ индивидуализмъ Н. П. Гиляровъ, „и не обращай вниманія на другихъ, коль скоро не видишь, что можно изъ нихъ выжать собственную выгоду. И чѣмъ больше ты будешь заботиться о себѣ, чѣмъ менѣе о другихъ, тѣмъ лучше. Каждый будетъ дѣлать тоже самое, — и всеобщее довольство обезпечено. Исключительное стремленіе каждаго къ собственной выгодѣ увеличить общее напряженіе силъ. Увеличеніе общаго напряженія силъ повлечетъ къ увеличенію всеобщаго изобилія; а всеобщимъ изобиліемъ увеличится и выпадающее, при всеобщемъ трудѣ, на долю каждаго личное наслажденіе. Между тѣмъ самое стремленіе каждаго получить именно какъ можно больше, и дать какъ можно меньше, или говоря благороднымъ языкомъ, всеобщее соревнованіе, умѣрять взаимныя притязанія и установить необходимое равновѣсіе. Въ суммѣ произведеній, каждый получить долю личнаго наслажденія именно въ той самой мѣрѣ, въ какой онъ заслуживаетъ своею личною дѣятельностію“ (Ж. З. № 24. стр. 427). Такіе горизонты открываются взору послѣдователей индивидуализма, такими питаются онѣ надеждами. Но быточны ли онѣ?...

II.

Въ самомъ дѣлѣ, быточно ли это стремленіе къ такой безусловной свободѣ и независимости, сбрасывающей съ себя всякія цѣпи неволи? Имѣетъ ли подъ собою сколько нибудь твердую почву тотъ взглядъ на сущность природы человѣка, по которому послѣдній является какимъ-то въ высшей степени своеобразнымъ существомъ, къ которому не приложимы никакія мѣрки, употребляемыя нами въ от-

ношеніи предметовъ видимаго міра? И вся эта доктрина индивидуализма не заключаетъ ли въ себѣ какого-то колоссальнаго недоразумѣнія? Не есть ли она просто не сбыточная мечта, своего рода иллюзія?

Дѣйствительно, уже а priori мысль объ абсолютной свободѣ человѣка, о полнѣйшей и безусловной его независимости должна вызывать невольное недоумѣніе во всякомъ здравомыслящемъ человѣкѣ. Только одно существо, безусловное во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ обладать подобною свободою и независимостію. Что же касается явленій, предметовъ и существъ видимаго міра и даже невидимаго,—на сколько послѣдній предносится и рисуется очамъ вѣры,—то мы должны признать строгую и полнѣйшую зависимость одного отъ другаго, на чемъ именно и основывается строгій порядокъ и гармонія вселенной, что и доставляетъ человѣку возможность изучать ее во всѣхъ частяхъ, начиная съ необъятной звѣздной и солнечной системы и кончая тоже въ своемъ родѣ необъятнымъ міромъ бактерій и микробовъ. Не можетъ составлять исключенія изъ этого порядка вселенной и самъ человѣкъ. Правда, откровеніе намъ говоритъ, что своимъ происхожденіемъ человѣкъ обязанъ особому творческому акту, выдѣлившему его изъ ряда прочихъ существъ конечныхъ и сообщившему его душѣ особенныя богоподобныя свойства, благодаря которымъ онъ одаренъ стремленіемъ къ безконечному совершенству; но 1., тоже откровеніе сообщаетъ намъ, что человѣкъ не поставленъ въ сколько нибудь изолированное положеніе по отношенію къ прочимъ тварямъ; онъ долженъ жить среди нихъ, хотя и въ качествѣ царя, который уже по этому одному связанъ съ прочимъ міромъ самымъ тѣснѣйшимъ образомъ, такъ какъ царское достоинство связываетъ своего обладателя извѣстными обязанностями къ своимъ подчиненнымъ, съ которыми онъ по необходимости долженъ дѣлить радость и горе, находясь съ ними въ одинаковыхъ условіяхъ своего существованія; 2., индивидуализмъ, какъ мы видѣли, выводитъ свои положенія не изъ идеи о богоподобной душѣ, а изъ иныхъ началъ, разсмотрѣть которыя мы должны съ его же точки зрѣнія.

Pia desideria индивидуализма оказываются несостоятельными не только а priori, но и съ точки зрѣнія реальныхъ

условіи существованія каждаго отдѣльнаго челоѣка. Несомнѣнно, что каждый изъ насъ имѣетъ право чувствовать и считать себя самостоятельною личностію, но въ тоже время онъ не долженъ забывать, что всѣми условіями, охраняющими его отдѣльное существованіе, онъ обязанъ обществу. Каждый индивидуумъ есть часть цѣлаго и отъ сего послѣдняго получаетъ все необходимое для поддержанія и развитіе своей жизни. Мы не знаемъ такого абстрактнаго челоѣка, который явился бы внѣ пространства и времени, во всеоружіи своихъ исполнѣ развитыхъ силъ и способностей. Съ первыхъ дней рожденія и до послѣдняго своего вздоха сохраненіемъ своей жизни, развитіемъ своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ онъ обязанъ другимъ лицамъ, находящимся въ близкомъ или отдаленномъ къ нему отношеніи. Равнымъ образомъ и въ своей жизни и дѣятельности онъ никогда не можетъ себя исполнѣ изолировать отъ вліяній окружающаго его міра. Онъ живетъ, и его здоровью непрерывно угрожаютъ болѣзни другихъ людей, жизни которыхъ въ свою очередь угрожаютъ болѣзни, которымъ онъ самъ бываетъ подверженъ. Онъ работаетъ, и результатами его трудовъ пользуются другіе, ровно какъ и эти послѣдніе въ свою очередь доставляютъ ему плоды своей работы, необходимые для удовлетворенія его собственныхъ потребностей. Онъ мыслитъ, и каждая его мысль есть отраженіе мысли ему подобныхъ, въ сознаніи которыхъ она въ свою очередь отражается и распространяется. Онъ счастливъ или страдаетъ, онъ горитъ любовію или съѣдается ненавистію,—и всѣ его чувства суть слѣдствія или причины соотвѣтственныхъ или противоположныхъ чувствъ, которыя въ это время волнуютъ всѣхъ другихъ людей, находящихся съ нимъ въ отношеніяхъ обмѣна. Однимъ словомъ, во всѣ мгновенія его существованія каждое состояніе его я есть результатъ безчисленныхъ движеній міра, который его окружаетъ, каждаго состоянія всеобщей жизни.—Мало того, не только современная каждой отдѣльной личности дѣйствительность держитъ ее въ постоянной отъ себя зависимости, — челоѣкъ въ такой же, если не въ большей степени испытываетъ на себѣ вліяніе всѣхъ минувшихъ временъ, всего *прошлаго* челоѣчества. Правильно говорить, что челоѣчество составлено болѣе изъ мертвыхъ, чѣмъ изъ живыхъ. Что такое наше

тѣло, продукты нашего труда, нашъ языкъ, наши мысли, наши инстинкты и привычки, наши учрежденія, наши искусства? Все это богатое наслѣдіе передано намъ отъ прежнихъ поколѣній, которыя приобрѣли его путемъ усиленныхъ трудовъ въ теченіи многихъ вѣковъ. Въ свою очередь на смѣну намъ явится новое поколѣніе, которое восприметъ въ свою плоть и кровь плоды нашей дѣятельности и помянетъ насъ за это или добромъ или зломъ. Такимъ образомъ нѣтъ и не можетъ быть безусловно изолированной личности, которая могла бы съ болѣе или менѣе вѣскимъ основаніемъ сказать о себѣ: „Я ни отъ кого, ни отъ чего не завишу и потому я абсолютно свободенъ“. Подобное заявленіе у человѣка трезвой мысли, неопьяненнаго несбыточными мечтами о своей совершеннѣйшей самодовлѣмости или автономіи, можетъ вызвать только горькую улыбку.

Не имѣетъ оправданія индивидуализмъ и съ точки зрѣнія своеобразно понимаемой имъ свободы личности,—свободы, которую онъ полагаетъ во главу угла своей доктрины. Та свобода, которою онъ желалъ бы надѣлать человѣка, опять есть нѣчто фиктивное, не заключающее въ себѣ никакого основанія для своего осуществленія; а если бы возможно было это послѣднее, то она не только не гарантировала бы независимости человѣка, но привела бы его къ тому именно состоянію, противъ котораго особенно ратуетъ индивидуализмъ, именно—къ всеобщему рабству. Свобода—не произволъ, она подчинена своего рода нравственнымъ законамъ, которые лежатъ въ основаніи истинной, дѣйствительной природы человѣка; но это подчиненіе не ведетъ ее къ несвободному рабскому состоянію, напротивъ служить гарантіею ея прочности и независимости отъ всего внѣшняго, случайнаго, прихотливаго, — что въ самомъ буквальномъ смыслѣ лишаетъ свободу ея истиннаго характера, дѣлаетъ ее несвободною. Это—та свобода духа, которая стоитъ выше всякихъ внѣшнихъ препятствій, которая чувствуетъ себя свободно при самомъ сильномъ натискѣ внѣшнихъ преслѣдованій. Правда, далеко не пользуется правомъ гражданства эта свобода, но она все-таки существуетъ, хотя и въ очень ограниченномъ числѣ представителей, и слѣдоват., все-таки возможна. „Я въ цѣпяхъ, говоритъ одинъ изъ представителей такой свободы, но я свободенъ“. Благодаря этой

свободѣ и независимости своего духа, мученики первыхъ вѣковъ христіанства, при всѣхъ невѣроятныхъ внѣшнихъ насиліяхъ, смогли сохранить высшее сокровище своего духа, свою вѣру во Христа, вынесли ее на своихъ плечахъ и доставили ей полное торжество. И еслибы въ основѣ дѣятельности большинства людей лежала подобная свобода, во имя идеи и нравственнаго долга смѣло и съ самоотверженіемъ идущая на встрѣчу всякому деспотизму, то давно бы отошли въ область легендъ и преданій представители всякаго рода тиранніи и деспотизма, потому что они давно бы были сокрушены истинно свободными людьми, не было бы нужды и въ юридическихъ законахъ, охраняющихъ свободу личности, такъ какъ не было бы никого, посягающаго на стѣсненіе этой свободы.

Къ сожалѣнію, большинство людей, хотя и безсознательно, усваиваетъ себѣ философію индивидуализма и въ основу своей дѣятельности полагаетъ свободу, понимая ее въ смыслѣ этой философіи. „Никто и ничто не можетъ и не должно препятствовать мнѣ дѣлать то, что я желаю“,—вотъ вся сущность этой немудрой практической философіи. Но когда личность освобождаетъ себя отъ всякихъ законовъ — и божескихъ и человѣческихъ,—то единственнымъ двигателемъ ея дѣятельности остаются только ея желанія, которыя, конечно, могутъ быть всякаго рода,—благородныя и низкія, безкорыстныя и корыстныя. При отсутствіи высшихъ руководительныхъ началъ, каждое изъ этихъ желаній будетъ предъявлять свои права на удовлетвореніе, не обращая вниманія на то,—возможно, или невозможно это удовлетвореніе, соответствуетъ или не соответствуетъ оно высшимъ, истиннымъ интересамъ человѣческаго духа, стѣсняетъ, или нѣтъ оно свободу другихъ. Въ результатѣ окажется, что эта личность, такъ ревниво охранявшая собственную свою свободу, улетучится въ вихрѣ собственныхъ своихъ желаній и потребностей, и въ концѣ концовъ окажется въ качествѣ жалкаго невольника этихъ послѣднихъ. Избѣжать и быть свободнымъ можно отъ всего, но только не отъ себя самого. А потому и ужасный призракъ рабства угрожаетъ прежде всего не со стороны другихъ, а со стороны самого человѣка.

Но философія индивидуализма осуждаетъ человѣка на рабство не только самому себѣ, но и другимъ. Уже изъ ска-

заннаго видно, что въ основѣ философіи индивидуализма лежитъ начало личнаго произвола, которому здѣсь не поставляется никакихъ границъ; а въ приложеніи къ практической дѣятельности это означаетъ то, что въ основу этой послѣдней кладется *эгоизмъ*, не сдерживаемый никакими высшими нравственными правилами и началами. Правда, послѣдователи индивидуализма стремятся обѣлить себя и съ этой стороны и стараются украсить свою теорію всѣми цвѣтами радуги. „Могутъ найтись люди, говоритъ нашъ отечественный защитникъ индивидуализма, г. Дубенскій, интенсивный умъ которыхъ не задумается найти сходство между индивидуализмомъ и эгоизмомъ. Осмѣливаемся утверждать, что теорія индивидуализма наноситъ эгоизму ударъ болѣе сильный, нежели всѣ ложно филантропическія теоріи социалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы обращаемъ вниманіе на значеніе человеческой личности, требуемъ уваженія къ ней,—неужели это эгоизмъ? Мы говоримъ *каждому* человѣку: развивай свои силы, совершенствуйся, потому что, чѣмъ болѣе ты будешь развитъ, тѣмъ будешь свободнѣе; уважай другихъ, отдавай справедливость каждому, въ своихъ отношеніяхъ съ людьми имѣй всегда въ виду, что они такія же свободныя личности, какъ ты самъ. Цѣни ихъ достоинства и будь снисходительнымъ къ ихъ недостаткамъ... Мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что индивидуализмъ болѣе согласенъ съ истиннымъ человѣколюбіемъ, нежели всякая другая философская система“, заключаетъ г. Дубенскій (Ж. З. № 22 стр. 289—230). Но всѣ эти прекрасныя слова въ устахъ послѣдовательнаго индивидуалиста остаются пустыми словами, лишенными всякаго реальнаго значенія. Если человѣкъ свободенъ отъ всѣхъ нравственныхъ и юридическихъ законовъ, если онъ самъ себѣ есть законъ, и если его желанія уже потому самому имѣютъ право на удовлетвореніе, что суть желанія *свободной независимой личности*, то гдѣ же гарантія того, что вышеприведенныя нравственныя внушенія, съ которыми индивидуализмъ обращается къ человѣку, получаетъ для послѣдняго силу обязательности? Разумѣется, въ каждомъ изъ насъ могутъ быть такія добрыя настроенія, что мы готовы бываемъ и уважить другаго, и отдать ему справедливость, и снизойти къ его недостаткамъ и пр. и пр. Но развѣ не очевидно, что все это зави-

ситъ исключительно отъ каприза нашего настроенія и имѣетъ совершенно случайный характеръ? Въ слѣдующій моментъ наше настроеніе мѣняется, и ничто насъ не можетъ останавить въ отношеніи своихъ ближнихъ держаться совершенно другихъ началъ. Если же индивидуализмъ вышеозначенныя прекрасныя правила вздумаетъ сдѣлать *обязательными для каждаго*, то его по праву можно будетъ упрекнуть въ непослѣдовательности, потому что это будетъ нарушеніемъ личной свободы человѣка, понимаемой въ смыслѣ индивидуализма. Приверженцы этой теоріи и на самомъ дѣлѣ доходятъ до такой непослѣдовательности: „Человѣкъ долженъ изучать окружающую природу и самого себя и подчинить свой разумъ и свою самостоятельность тому высшему разуму и той истинной самостоятельности, которыя осязательно проявляются въ организаціи вселенной и которымъ обязанъ своимъ бытіемъ самъ человѣкъ. Но это подчиненіе, утѣшаютъ они себя (и въ этомъ случаѣ утѣшаютъ себя совершенно справедливо), не заключаетъ въ себѣ ничего унижительнаго,—напротивъ того, на немъ опирается все достоинство, все счастье человѣка; это то иго, о которомъ говоритъ слово Божіе: „иго мое благо и бремя мое легко есть“.... Оно проникнуто тою высшею любовію, съ какою простираетъ къ человѣку свои объятія природа и которою наполняется его сердце при его взглядѣ на ея вѣчную красоту“ (стр. 228). Золотыя слова! но только они не къ лицу индивидуалисту. На самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія послѣдняго дѣло должно обстоять въ такомъ видѣ. „Я, конечно, долженъ быть убѣжденъ, что и самъ я, и всѣ другіе люди одинако свободныя существа; но изъ этого слѣдуетъ только то, что всѣ они сами должны добиваться и справедливости, и уваженія, и снисходительности. Расчитывать на мое участіе въ этихъ отношеніяхъ они не могутъ; они должны понимать, что каждый можетъ быть занятъ только собою,—это его неотъемлемое право, — что каждому важенъ исключительно его собственный интересъ, а не чужой. Какое основаніе для меня уважать другаго, быть снисходительнымъ къ его недостаткамъ, принимать участіе въ его бѣдѣ, если все это можетъ вредить моимъ собственнымъ интересамъ? Развѣ я виноватъ, что одинъ слабѣ меня, другой бѣднѣе, третій глупѣе? Пусть каждый самъ разбирается въ собствен-

ныхъ затрудненіяхъ и не рассчитываетъ на мою помощь, такъ какъ послѣдняя бываетъ часто соединена съ необходимостію *жертвовать* своими личными интересами,—что, какъ мы видѣли, не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія послѣдовательнаго индивидуализма и можетъ повести, какъ выражаются его приверженцы, къ *нравственному коммунизму*“.—Итакъ, какъ бы ни старались послѣдователи индивидуализма облить свою теорію, мы должны признать, что въ основѣ его лежитъ грубый, безграничный, ничѣмъ не-сдерживаемый эгоизмъ.

Но что же? Можетъ ли дѣйствительно индивидуализмъ достигнуть хотя сколько нибудь практическаго осуществленія своихъ конечныхъ стремленій? Можетъ ли дѣйствительно человѣкъ по теоріи индивидуализма завоевать себѣ вполне независимое положеніе, избѣжать всякаго рода рабства и получить возможность—разцвѣсть въ полноту своихъ силъ и способностей? Тщетная надежда.... Мы видѣли уже, что, слѣдуя теоріи индивидуализма, человѣкъ становится рабомъ своимъ собственнымъ состояніемъ, но эта же теорія нисколько не гарантируетъ его отъ рабства другимъ людямъ. Пусть дана будетъ возможность каждому послѣдовательно провести въ своей жизни и дѣятельности эту теорію,—и въ результатъ получится всеобщее рабство. Послѣдняго можно бы было избѣжать только въ томъ случаѣ, если бы въ людяхъ было безусловное равенство въ отношеніи ихъ силъ и способностей. Но съ точки зрѣнія самого индивидуализма такого равенства нѣтъ и быть не можетъ. И въ этомъ случаѣ онъ правъ: неодинаковость и разнообразіе между людьми въ отношеніи ихъ силъ и способностей нужно признать неопровержимымъ эмпирическимъ фактомъ. А при такомъ неравенствѣ силъ и способностей, возведеніе въ законъ исключительнаго преслѣдованія только своихъ личныхъ интересовъ будетъ сопровождаться тѣмъ результатомъ, что сильный будетъ угнетать слабого, богатый — бѣднаго, смѣтливый—простоватаго. А такъ какъ лицъ, одаренныхъ отъ природы счастливыми силами и способностями, всегда бываетъ немного, огромное же большинство не идетъ выше средняго уровня своихъ силъ, то въ результатъ и окажется немногіе счастливыцы, въ полномъ смыслѣ аристократія, которые, будучи руководимы исключительно своими личными

аппетитами, произвольно будутъ дущить, давить и поѣдать остальную толпу болѣе слабыхъ и обиженныхъ природою, не имѣющихъ возможности состязаться съ первыми на жизненномъ пиру. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше будетъ возрастать съ одной стороны деспотизмъ немногихъ избранниковъ природы, а съ другой рабство и кабала безчисленнаго множества *малыхъ сихъ*. Ибо, когда сильный будетъ давить слабого и заставить его работать въ свою пользу, то добытое чужою работою, за исключеніемъ удовлетворенія потребностей, составитъ для сильнаго въ свою очередь новую силу; образуется собственность, составитъ капиталъ, на которые онъ снова, дешевле дѣйствительной стоимости, купитъ себѣ услуги слабого и бѣднаго. Такъ прогрессивно будетъ возрастать деспотизмъ въ одномъ случаѣ и рабство—въ другомъ. Такимъ образомъ послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа индивидуализма приводитъ какъ разъ къ тому, чего старались избѣгнуть его послѣдователи.

И болѣе послѣдовательные индивидуалисты доходятъ до мысли о необходимости и слѣдовательно законности рабства въ исторіи: „Рабство, говоритъ Герценъ, первый шагъ цивилизаціи. Для развитія надобно, чтобы однимъ было гораздо лучше, а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ, которымъ гораздо лучше, могутъ идти впередъ на счетъ жизни остальныхъ... Не забывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться, онъ ждетъ всегда къ чему нибудь прислониться; въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря. Онъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди. Ни одинъ звѣрь, кромѣ породы „развращенныхъ человѣкомъ“, какъ называлъ домашнихъ звѣрей Батронъ, не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношеній“ (Страховъ, Борьба съ Западомъ, вып. 1-й стр. 133—134).

Приведенный сейчасъ взглядъ Герцена на судьбы человечества показываетъ, что уже и въ лагерѣ индивидуалистовъ раздаются подчасъ голоса въ свою очередь разрушающіе одно изъ сильныхъ доказательствъ, которыми они хотятъ оправдать свою теорію. „Вся исторія цивилизаціи есть исторія эмансипаціи (освобожденія) человѣческой личности, исторія развитія *индивидуализма*“, слышимъ мы со стороны чистокровныхъ индивидуалистовъ. Герценъ даетъ

намъ прекрасный поводъ сказать нѣсколько словъ и противъ этого, высказаннаго въ такой безусловной формѣ, положенія и противопоставить другой взглядъ на исторію человѣчества, хотя и односторонній, но въ тоже время, въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ, не лишенный извѣстной степени доказательности,—взглядъ, по которому человѣкъ, по природѣ своей, есть рабъ и любитъ прислониться къ чему нибудь, что и самая свобода есть для него непосильный даръ природы, и онъ отдаетъ ее всякому, кто накормитъ его хлѣбомъ, какъ это съ особенною силою старался доказать „Великій Инквизиторъ“ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго. Поэтому и исторія человѣчества есть въ собственномъ смыслѣ исторія тѣхъ формъ рабства, какія оно переживало послѣдовательно на пути своего развитія. Грубыя формы рабства смѣнялись болѣе утонченными, сообразно требованіямъ цивилизаціи, но не менѣе основательно опутывавшими свободу человѣка. Сперва послѣдній былъ рабомъ природы и въ значительной степени остался таковымъ до послѣднихъ дней, не смотря на всѣ завоеванія въ области той же природы. Затѣмъ онъ пережилъ общественное и сословное рабство, когда всѣ люди дѣлились на свободныхъ и рабовъ. Далѣе идетъ тираннія капитализма, держащая въ рабствѣ безчисленныхъ представителей пролетаріата. „Наконецъ наступаетъ, говорятъ, власть общественнаго мнѣнія и печати, выражающаяся не въ насиліи господина надъ рабомъ, или плантатора надъ негромъ, не богача надъ бѣднымъ, но насиліе болѣе ловкихъ, болѣе остроумныхъ надъ лицами болѣе простодушными и честными, болѣе скромными, хотя, можетъ быть иногда и не менѣе даровитыми. И говорятъ, что это насиліе еще хуже всякаго другаго. Это насиліе соблазна и обольщенія; это насиліе, поражающее уже не физическую сторону человѣка, и не внѣшнее выраженіе его убѣжденія, но идущее противъ самаго священнаго тайника человѣческой свободы. И оно тѣмъ опаснѣе, чѣмъ тоньше: оно убиваетъ свободу въ самомъ корнѣ, подъ видомъ уваженія къ той же самой свободѣ“ (Ж. З. № 24. стр. 419).

Но была ли бы обезпечена по крайней мѣрѣ свобода и независимость тѣхъ избранниковъ, которые, благодаря своимъ силамъ и способностямъ, покоривши подъ ногу свою все остальное человѣчество, оказались бы на верху его? И

на это не могут рассчитывать послѣдователи индивидуализма. Ибо 1) при неравенствѣ силъ и способностей и между сильными и крѣпкими во бранѣхъ, могутъ оказаться еще сильнѣйшіе, а между этими—наисильнѣйшіе и т. д., пока въ концѣ концовъ во главѣ всѣхъ не окажется субъектъ, превышающій всѣхъ прочихъ своими силами и способностями, который и покорить себѣ, въ родѣ Александра Македонскаго, все человѣчество. Итакъ логическая послѣдовательность приводитъ къ тому, что и цвѣтъ человѣчества, его избранники, одаренные наиболѣе счастливыми силами и способностями, осуждены тоже на неволю, за исключеніемъ одного изъ нихъ, самаго сильнаго, умнаго и отважнаго. Но не прочна бы была власть и этого послѣдняго. Все, что основано на насиліи, не можетъ рассчитывать на прочность и долговременность своего бытія,—это истина общезвѣстная и оправдываемая исторически. Какъ бы ни былъ силенъ сильный, онъ не можетъ препобѣдить всѣхъ недовольныхъ, которые, будучи слабы каждый въ отдѣльности, могутъ превысить силу сильнѣйшаго, сплотившись между собою и произведши революцію. 2) Если мы предположимъ даже невозможное, именно, если избранники человѣчества окажутся *равными* между собою по своимъ силамъ и способностямъ, то при безграничной свободѣ, какую проповѣдуетъ индивидуализмъ, они неизбежно должны будутъ вторгаться въ сферу дѣятельности другъ друга,—что въ концѣ концовъ поведетъ къ такому взаимному стѣсненію свободы каждаго, что отъ послѣдней останется пустой звукъ. Свобода только тогда можетъ заключать въ себѣ нѣчто реальное, когда будетъ существовать не въ одномъ только воображеніи своего носителя, но будетъ признаваться и уважаться всѣми другими. Но этого послѣдняго индивидуализмъ, не измѣняя своей послѣдовательности, допустить не можетъ. Конечный результатъ будетъ тотъ, что каждый, признавая принципомъ своей дѣятельности безграничный просторъ и свободу и отрицая при этомъ всякій долгъ самопожертвованія и, слѣдовательно, руководясь одними исключительными мотивами эгонистическаго свойства,—каждый, говоримъ мы, вступилъ бы въ неизбежную борьбу съ интересами другаго, и въ общемъ получилась бы такая между-

усобная война, которая окончилась бы общимъ взаимнымъ истребленіемъ всѣхъ и каждаго.

Къ такимъ безотраднымъ результатамъ должна приводить своихъ послѣдователей теорія индивидуализма. Она ведетъ къ разрушенію свободы и независимости личности, т. е. къ разрушенію принциповъ, которые служатъ основаніемъ ея самой. Она узаконяетъ рабство, то самое рабство, уничтожить которое составляетъ главную и основную ея задачу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Левитскій.
